

Михаил Ахманов

Михаил Ахманов

Клим Тервый, Драконоборец

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А95

Художник
О. Бабкин

Ахманов М.

А95 Клим Первый, Драконоборец: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1787-2

Клим Скуратов, майор спецназа, волею случая переносится в магическую реальность, где он — самодержавный владыка королевства Хай Бория. Соблазнительный пост для человека, который не имеет ни семьи, ни квартиры, получает скудный оклад и ютится в офицерском общежитии... Однако бесплатный сыр бывает только в мышеловке. В королевстве масса проблем: казна пуста, гномы не платят дани, эльфы не дают в долг, на границе армия гоблинов, и к тому же драконы расплодились сверх меры. Но Клим привык соответствовать должности и справится со всеми королевскими делами!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1787-2
© Михаил Ахманов, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Историю Климата Андреевича Скуратова, бывшего майора спецназа, поведал мне полковник Рукавишников, некогда его сослуживец. Случилось это в Испании, в Марбелье, в тихий теплый вечер, после того как мы распили бутылку амонтильядо. Не знаю, почему Рукавишников проникся ко мне доверием и стал рассказывать о событиях чудесных и невероятных; может быть, виновато вино или ему просто захотелось поделиться своими воспоминаниями с благожелательным слушателем. Но в тот вечер 22 июня 2043 года он не только рассказал, но и кое-что показал мне: меч странной формы с рунической надписью по лезвию, пояс из чеканных серебряных пластин и золотой нагрудный знак — вероятно, орден — в виде дракона с распростертыми крыльями. По его словам, это были награды за операцию у Южных Болот, которых он удостоился в битве с орками. Кроме того, полковник высыпал на стол кучку больших монет из серебра и золота, прежде никогда мною не виденных: на одной стороне тот же дракон, а на другой — корона в венке из дубовых листьев.

Что до самого Ильи Олеговича Рукавишникова, то он фигура примечательная и в мире весьма известная. В период своего знакомства с майором Скуратовым он был молодым лейтенантом, затем оставил спецназ, учился в Военно-воздушной академии в Саратове, стал летчиком-истребителем, а с течением лет — настоящим асом. Он участник многих конфликтов в разных уголках зем-

ного шара, в Океании, Арктике и на Огненной Земле; выполняя свой интернациональный долг, защищал небеса Египта и Ливии во время Первого Джихада, затем сражался в легендарном авиасоединении «Добрыня Никитич». Но главное свершение было впереди: в 2028 году его зачислили в отряд космонавтов и после нескольких лет подготовки он отправился на Марс. Собственно, я попросил его о встрече, чтобы разузнать подробнее о марсианской экспедиции, — в моих планах была документальная повесть об этом героическом полете. Но когда я добрался до виллы Рукавишникова под Марбельей, он сказал, что Марс — это совсем не интересно: пески, холод, мрак и полное уныние. Засим последовало приглашение к столу, бутылка амонтильядо и самый фантастический рассказ, какой мне только доводилось слышать.

Я решил, что эта история достойна романа, для чего есть не меньше трех причин. Во-первых, это свидетельство о параллельных вселенных — именно вселенных, а не мирах, ибо в каждой из них мириады галактик и звезд с планетами, и законы, привычные для нашего мироздания, там совершенно иные. Вернее, могут быть иными, настолько иными, что это отличие пугает, потрясает и в то же время будит острое любопытство — по крайней мере, у меня. Во-вторых, история, рассказанная Рукавишниковым, объясняет многие аномальные феномены, наблюдаемые на Земле, — я имею в виду всевозможные странные находки, НЛО и существ, которых мы принимаем за инопланетян. Обычно они появляются на время, а затем исчезают, порождая массу домыслов о галактической агрессии, злонамеренных пришельцах, их коварных планах и тому подобном. На самом деле все обстоит — или может обстоять — гораздо проще. Это события случайные, кратковременные и в большинстве своем не связанные с желанием тех, кто проникает к нам из параллельной реальности.

Наконец, третье, то, что я считаю главным. История Клима Скуратова доказывает, что человек вполне обычный, но попавший в экстраординарные обстоятельства, способен не только адаптироваться к ним, но и явить примеры истинного героизма, величия духа и разумной осмотрительности. Мы, современные люди, задавлены нашим бытием, нередко обуяны стяжательством, мы безразличны к несчастьям ближних и размышляем больше не о духовных ценностях, не о подвигах, а о курсе доллара и евро или о том, как исхитриться и не вернуть кредит. Казалось бы, понятия чести и достоинства забыты, жажда денег и успеха вытеснила сострадание, мы хотим всего и сейчас — быстро, немедленно! — и если нас посещают мысли о горестях мира, масштаб их невелик и связан с ценами на колбасу и пиво. Словом, можно подумать, что мы — конченные люди. Но вот ситуация меняется, на сцену выходят адские монстры, драконы и злобные орки, мир становится опасным, и человек, обычный человек, уже не жалкая тварь, но герой, владыка, победитель. Метаморфоза свершилась, дух воспрянул, и истинный король вступает в свое королевство.

Хотя я знаю о случившемся с Климом Скуратовым с чужих слов, домысливать пришлось немного — рассказ Рукавишникова был подробным. Я гостил в его доме несколько дней, слушая эту историю и делая заметки. Мне кажется, он очень хотел ее рассказать, возможно, с той целью, чтобы увериться самому: все это — не сказка, не вымысел, а реальность. Но не наша.

Итак, предлагаю на суд читателей то, что у меня получилось. А о полете к Марсу будет в другой раз.

*Марбелья — Петербург
Июнь — октябрь 2043*

Часть первая ВОЙНА

Глава 1 НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГ АЛТЫН

Боевики залегли в «зеленке» на склоне горы, и выкурить их не сумели ни пехота, ни минометный обстрел, ни атака с небес. Мины и ракеты с вертушек пожгли лес, раздолбали камни и деревья, но толку было ноль — супостаты укрылись в схронах, а когда ближе к вечеру рота Полуянова пошла на приступ, встретили ее плотным огнем. Потеряв убитыми семерых, солдаты стали отползать к оврагу, где расположились минометчики. Овраг, глубокий и заросший колючими кустами, неплохо защищал от обстрела; на его каменистом дне змеился меж камней ручеек, почти пересохший по летнему времени, но с водой холодной и чистой. Для тех, кто выжил после боя, каждый ее глоток казался сладким.

Хорошее место, уютное, думал Клим, сидя у ручья на камешке, поглядывая на своих бойцов и слушая доклады наблюдателя Перепелицы по кличке Зорро. Мысли в его голове бродили самые житейские и не очень веселые: месяц назад распределяли квартиры и снова его обнесли. Это значило, что он опять остался в офицерском общежитии при части, в комнатке, где от окна до двери было пять шагов. Пять в длину, пять в ширину, плюс санузел с раковиной, нависающей над унитазом... Тесновато! Даже непристойно для майора тридцати двух лет от роду! С другой стороны, Боря Степанков хоть и младше чином и годами, так у него жена и дочка... У Кунина двое

пацанов и еще орден за Буденновск, орден за Кизляр... Нет, все по справедливости, и зла на сослуживцев Клим не держал. Печаль была в другом: достойных много, а квартир мало.

Слева и справа от Перепелицы торчали прикрытые ветками кочки — головы сержантов Суханова и Бирюка, лучших снайперов команды. Остальные дремали, что было самым полезным занятием в данном месте при данных обстоятельствах. Не потому, что солдат спит, а служба идет — просто группа тридцать пять-шестнадцать трудилась преимущественно по ночам. Так что майор Клим Андреевич Скуратов, ее командир, дневной сон вполне приветствовал.

Чуть слышно щелкнула винтовка Бирюка.

— Попал, — с одобрением произнес Перепелица. — Точно промеж гляделок!

— Сам знаю, что попал, — буркнул Бирюк и сдвинулся левее. Большой нужды в том не было, срабатывал рефлекс снайпера: выстрелил — меняй позицию.

Выше по течению ручья сгрудились над мертвыми телами солдаты капитана Полуянова. Стояли с мрачными лицами, курили, пили воду, тихо переговаривались. Не мальчишки — контрактники из горно-стрелковых частей, выдавшие всякие виды. Было их сотни полторы, а стало на семерых меньше. Еще с десятков раненых — над этими хлопотал санитар, накладывал кому шину, кому повязку.

Ухнул ротный миномет. Со дна оврага склон горы не просматривался, и Клим увидел только взлетевшую в небо листву.

— Что там, Перепелица? Докладывай!

— Ничего, командир. В белый свет палят.

Миномет ухнул еще раз-другой, потом смолк — должно быть, стреляли со злости. Убитых понесли вниз, к дороге и ожидавшим там БТР. Раненые шли сами, и лишь одного тащили на носилках. Одиннадцать, пере-

считал их Клим и подумал, что за такие потери награда Полуянову не светит, ни медаль, ни благодарность в приказе. Впрочем, и вины его нет — боевиков за сотню, и пехоте их не выбить без поддержки с воздуха. Очень основательной — не с двух вертушек пострелять, а так шарахнуть, чтоб деревья полыхали и камни плавились. По нынешнему времени удовольствие не из дешевых, да и леса жалко. Опять же есть альтернативный вариант — спецназ, обученный действовать быстро, скрытно и очень эффективно.

Он снова оглядел свою команду. Начало темнеть, и люди уже не дремали, а не спеша готовились к бою. Кто набивал патроны в рожок, кто подтягивал ремни, кто облачался в бронежилет и проверял прибор ночного видения. Сержант Снигирь склонился над подвеской, пересчитывая гранаты, взводные старлей Ильинский и лейтенанты Рукавишников и Бондарь инструктировали своих людей, связист Солопченко пристраивал гарнитуру под каской. В небе, у вершин далекого хребта, замерцали первые звезды. Потянуло ветром, и на кустах зашелестела листва, что было очень кстати: посторонний шум скрадывал движения бойцов. Клим потянулся к автомату, пальцы приласкали нагретый солнцем ствол. Предстоящий бой среди ночного леса его не тревожил, и думал он сейчас о том, что, если зачистит супостатов без потерь, операция будет отмечена. Непременно отмечена! Скажем, офицерам по ордену, а сержантскому составу — медали и боевые с надбавкой...

Подошел капитан Полуянов, бросил взгляд на небо, вздохнул и молвил:

— Ночью я — пас. Теперь, майор, пусть твои ребята потрудятся. Когда начинаешь? Поддержать огнем?

Клим уставился на него, соображая: коль майор холостой, но с орденом — есть ли шансы на квартиру? Или все-таки стоит жениться и мелких завести? И если уж неминуемы брачные узы, то где невесту взять? Таковую,

чтобы клюнула на майора, у которого ни кола ни двора. Опять же спецназ, дело неверное, ненадежное, сегодня жена, завтра вдова...

— Когда начинаешь? — снова спросил Полуянов. — Подбросить огонька?

Клим очнулся. Мысли о квартире, о женитьбе и возможном комплекте невест отлетели куда-то в звездное небо, не исключалось, в другую галактику.

— А вот сейчас и начнем, — буркнул он. — Ты, капитан, сиди тихо. Огонек мне не нужен, нужна скрытность.

Подхватив автомат, он полез наверх по крутому откосу. До первых деревьев было метров сто пятьдесят, максимум двести. Лес стоял темный, мрачный, озаряемый лишь светом звезд и тонкого лунного серпика. Кладбищенский лес, подумал Клим и негромко скомандовал:

— Рассредоточиться, бойцы. Выдвигаемся.

Его люди перевалили за край оврага, привычно растягиваясь цепью. Командир — в середине строя; в трех метрах слева — старший сержант Каныгин с ручным пулеметом, в трех метрах справа — связист Солопченко, а за ним — Ильинский со своей группой. Бежали быстро. Ветер усилился, и лесные звуки заглушали шелест травы под ногами. Метрах в сорока от опушки Клим упал на землю и пополз, волоча «калаш» за собой. Теперь, если не считать лесных шумов, он не слышал ничего — его бойцы тоже двигались ползком, осторожно и беззвучно.

Лес встретил их негромким гулом. Кое-где попадались воронки и сломанные деревья — результат обстрела с вертушек и из минометов. Древесные стволы в приборе ночного видения маячили будто призраки, поднявшиеся из могил. На опушке валялся под кустом натуральный покойник — должно быть, тот, кого устаканил Бирюк. Горбоносый, бородатый, явный палестинец или саудит.

«Отпрыгался, тузик забугорный!» — со злобой подумал Клим, вставая под прикрытием дерева. В памяти всплыло: хороший индеец — мертвый индеец. Память у

него с институтских времен была набита всякой всячиной, которая, может, и пригодилась бы человеку штатскому, но для майора спецназа была абсолютно лишней. Все эти изречения, цитаты и прочая заумь только напоминали, кем бы он мог стать, да не стал.

Слева, из полутьмы, в которой маячила фигура Каныгина, долетели два коротких сдавленных хрипа, потом такие же звуки послышались справа. Сняли часовых, понял Клим, вытянул руку с растопыренными пальцами и махнул Ильинскому. Кивнув, тот растворился в лесном сумраке — повел группу в обход, чтобы охватить бандитский лагерь с тыла. Возможно, и там найдутся часовые, но на сей счет Клим не беспокоился — Ильинский свое дело знал.

Миновав опушку, они углубились в лес, и вскоре уже можно было различить тихий гортанный говор, скрипы, шорохи и позвякивание металла. Замерцали огни костров, потянуло запахом пищи, пота, мочи, раздалась быстрая неразборчивая скороговорка — кто-то читал молитву, и несколько голосов подтягивали: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Но молились не все — у одного костра сидели крепкие парни совсем не кавказской внешности. Наемники, подумал Клим. Затем в голове мелькнуло, что еще минута-другая, и все эти люди будут мертвее мертвого. Но сожаления его не терзали; всяк кузнец своего счастья, и кто решился выйти на тропу войны, тот уже подставил лоб томагавку. Лбов тут хватало — сотня с хорошим гаком.

Пригнувшись за кустом, он разглядывал лагерь. В земле были нарыты ямы, а подалее, под скальными плитами, виднелась широкая темная дыра — там, похоже, была пещера или схрон, достаточно надежный, чтобы пересидеть обстрел с воздуха. Около схрона лежали убитые, но сколько, то ли десяток, то ли более того, разобрать не удавалось. Тут и там торчали высокие пни и кучами громоздились ветки с пожухлыми листьями — оче-

видно, вырубка была расчищена недавно. Укрытий никаких, кроме ямин, пещеры и ближних деревьев, отметил Клим. Но за деревьями, невидимые и неслышимые, прятались его бойцы, а пещерный схрон...

Он не успел додумать мысль — в темноте раздался то-скливый вскрик ночной птицы. Суханов из группы Ильинского был хорошим снайпером, а еще с редким умением имитировал пернатых, что филина, что курицу, что соловья. Клим ответил — не так искусно, как Суханов, зато громко. Потом вскинул автомат и пробурчал:

— Внимание! Вас снимают скрытой камерой!

Кинжальный огонь из тридцати шести стволов с ходу выкосил половину бандитов. Затем полетели гранаты, выжившие заметались в вспышках пламени, град осколков забарабанил по камням, послышался треск выстрелов, и внезапно наступила тишина. Только ветер шелестел в древесных кронах да шипели поленья в кострах.

— Потери? — спросил Клим в полный голос.

Потерь не было. Операция завершилась.

Его бойцы не двигались, ожидая команды. Он тоже ждал и зорко всматривался в неподвижные тела, в темный зев пещеры, в лес, шумевший сонно и тихо. Прошла минута, другая, третья... Никакого шевеления или иных признаков жизни. Никто не стонет, не хрипит, не скребет землю скрюченными пальцами, не тянется к оружию... Прямо-таки кладбищенский покой. Что в данной ситуации к лучшему.

С этой мыслью он направился к заваленной трупами вырубке. Сделав пару-другую шагов, он сунул «калаш» под мышку, прижал его локтем и снова огляделся. Тут его и долбануло. Не было ни выстрела, ни взрыва, но голова вдруг налилась сверлящей болью, дыхание сперло, подогнулись колени, и майор Клим Скуратов, командир спецгруппы тридцать пять-шестнадцать, начал падать, но не на землю, не в траву, а в черную пропасть, вроде бы не имевшую дна. Куда вела эта дорога, в

рай или в ад? Он падал и падал, падал бесконечно и слышал то пронзительный визг, то свист, то невнятные голоса, что-то бормотавшие с угрозой. На хор ангелов это явно не походило.

«Все, трындец! Прощай, орден, здравствуйте, ангелы Господни», — еще успел подумать Клим и отключился.

Сознание вернулось к нему, но тьма не исчезла. Он лежал в душном плотном мраке, чувствуя, как приклад автомата упирается в бок и давит на подбородок ремень каски. Пахло пылью и вроде бы чем-то жареным; еще улавливались далекие запахи дыма и навоза. Рай? Это вряд ли... Скорее, то неприятное место, где раскаленные сковородки соседствуют с чанами смолы и серы.

Он лежал, вспоминая свои грехи. Их накопилось изрядно, так как служба в спецназе не располагала к сантиментам. Взять хотя бы нынешний день, а вернее, ночь. Сотню с лишним положили, и хоть все убиенные — гниды, башибузуки и гаденыши, однако живые души. И все они — на совести майора Скуратова, не считая прочих-иных. Где повоевал, там и нагрешил, от Днестра до Туркестана, спецназ, известно, пленных не берет. Так что если считать по месяцу за покойника, срок на сорок лет потянет.

По месяцу? Это еще почему? А если по году?

Клима прошибло холодной испариной. Пять веков в чистилище — это уже перебор! Хотя сидят же люди, наверняка сидят... К примеру, Пол Пот или убийца Чикатило. А на нем что? Он невинных не губил, детей и барышень не резал, а исполнял свой долг перед Отчизной. Долг, и ничего личного. В общем, пятьсот лет и даже сорок — многовато. Слишком многовато! Ну, если какой черт заупрямится, так будут и другие аргументы.

Стиснув автомат, Клим ринулся в темноту. Что-то — будто бы ткань или тяжелый полог — хлестнуло его по щеке, взметнулась невидимая пыль, запахи дыма и жа-

реного стали отчетливее. Ткань не пускала, старалась окутать его плотной пеленой, и он, бормоча проклятия, резанул ее ножом. Опоры за этой преградой не нашлось, и Клим куда-то провалился, но летел недолго, стукнувшись каской и плечом обо что-то твердое. Вскочил, не выпуская ножа и автомата, и завертел головой.

Просторная сумрачная комната, целый чертог со сводчатым потолком. Высокие окна зашторены, но кое-где пробиваются лучики света, разгоняя темноту. Пол из щербатых каменных плит, стены тоже каменные, и в них вбиты крючья с цепями и висящими на них плоскими. Между крючьев — полотнища с неясными картинами, пара зеркал от пола до потолка и еще одно, овальное и небольшое, рядом с дверью. Под окнами — то ли сундуки, то ли комоды, в дальнем конце — стол с креслами и огромный чан, а за ними — статуя великана с угрожающе поднятой рукой.

Он посмотрел на часы. Семь утра — или, может быть, вечера? Потом обернулся. Сзади возвышалось гигантское ложе с балдахином на резных столбиках, занавешенное с трех сторон темной тканью. Собственно, ткань была и с четвертой стороны, но здесь зияла внушительная дыра, прорезанная ножом. Постель закрывала мохнатая шкура с брошенной поверх нее кучей тряпья.

— Значит, отсюда я и сверзился, — промолвил Клим. Подумал немного и добавил: — А бойцы мои где? Где лес и бандитский лагерь? Где Полуянов со своими охламонами? И где Кавказ? Это что за наваждение?

Задрав голову, он бросил взгляд вверх. Смотрел в потолок с одним желанием — чтобы тот рухнул поскорее и придавил его насмерть. Но своды, кажется, были прочными, хотя время оставило на них отметку в виде паутины трещин. Прямо над балдахином сиял прильнувший к камню солнечный зайчик и будто подмигивал ему, намекая, что нет здесь ни леса, ни бандитов, ни команды тридцать пять-шестнадцать, зато этот сумрачный по-

кой, громоздкая мебель, крюки на стенах, чан и статуя — самая настоящая реальность.

Клим сунул клинок в ножны и повесил автомат на плечо. Потом сказал:

— Ладно, разберемся. Как говорили латиняне, ищите и обрящете. Вот и поищем.

С этими словами он шагнул к окнам, за которыми, возможно, высились горы Кавказа или хотя бы знакомые строения гарнизонной базы. Но в этот миг дверь распахнулась и в чертог вступили двое крепких молодцов в кольчугах, шлемах и с алебардами. Вслед за ними возник тощий тип в желтом камзоле и двуцветных штанах — одна штанина синяя, другая зеленая. В руках у него был длинный золоченый жезл с набалдашником в виде свернувшегося кольцом дракона.

— Вира лахерис! — торжественно провозгласил тощий и поклонился.

Язык был чужой, но — странное дело — Клим понял сказанное. Вира лахерис — живи вечно. Кивнув в ответ, он произнес:

— Майна хабатис. — Что означало: «И тебе того же».

Затем уставился на тощего. Тот снова отвесил глубокий поклон.

— Твое величество желает облегчиться?

— Перебьюсь, — буркнул Клим, пропустив «величество» мимо ушей.

— Ну, тогда... — Тощий тип повернулся к двери и стукнул жезлом в каменный пол. — Воду, простыни, вино и королевские одежды! Поживее, бездельники! Не ленитесь, во имя Благого!

В распахнутую дверь ввалилась толпа пестро наряженных слуг, юных пажей и пригожих служанок. Клим не успел опомниться, как три шустрые блондинки ухватили автомат, каску и подсумок с обоймами и гранатами, а три другие принялись стаскивать башмаки и портупею. Вообще-то реакция у него была отличной, но тут,

похоже, случился приступ столбняка. В полном ошеломлении он позволил содрать комбинезон, трусы, носки, тельняшку. Затем девицы, хихикая и будто случайно прижимаясь к нему то грудью, то бедром, повлекли Клима к чану. Он не сопротивлялся. Ручки у них были такие нежные! Да и остальное в полном порядке.

Его сунули в чан, на голову и плечи полилась теплая вода, мыльная пена заставила прищуриться. Однако он разглядел, как отдернули шторы и потоки солнечного света хлынули в комнату. За окнами виднелось небо в барашках белых облаков, кровли и шпили каких-то строений и уходившая к горизонту дорога. Ни Кавказских гор, ни казарм, ни прожекторных вышек! Зеленая равнина, местность плоская, по краям дороги — рощи да поля, а за ними что-то поблескивает, речная излучина или озеро. Чудеса!

Девицы начали тереть ему плечи и лопатки. Клим смахнул мыло с лица и убедился, что мальчишки-пажи сложили его амуницию в кресло вместе с подсумком, автоматом и пистолетной кобурой. Затем он поглядел на слуг, прибиравшихся в зале, на стол с фруктами и огромным кубком и на стену за кроватью. Кроме зеркал и крючьев со светильниками там висели гобелены, слегка поблекшие от времени. На ближайшем пара нимф развлекала компанию рогатых фавнов, остальные тоже не отличались скромностью — нагие тела, откровенные позы и ровным счетом никаких одежд. Повернув голову, он осмотрел статую великана, что нависала над столом. Этот гигант, закованный в доспехи, сжимал в поднятой длани меч, а у его ног скалилось чудище с крыльями, змеиной шеей и чешуйчатым хвостом. Судя по ухмылке, с какой меченосец взирал на гада, их randevu было не очень дружеским.

— Кубок! — выкрикнул тощий в сине-зеленых штанах, снова грохнув жезлом о камень. — Королевский кубок, разгильдяи!

Девушки окатили Клима водой, паж поднес кубок. Он отхлебнул, поморщился, пробормотал: «Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты» — и поманил к себе тощего:

— Ты кто таков, разноцветный мой?

— Астрофель диц Техеби к твоим услугам, сир. Советник Левой Руки, блюститель дворцовых покоев.

— Хм... Выходит, я во дворце... И как я здесь очутился?

— Не могу знать, твое величество. Прикажешь, чтобы явились мудрецы-чародеи?

— С мудрецами подождем, — промолвил Скуратов, оглядывая зал. — Скажи-ка мне, Филя, тут у нас что? Какое помещение?

— Твоя опочивальня, повелитель.

Клим принял и ткнул пальцем в сторону окон:

— А почему дымом и жареным пахнет да еще навозом? Что там?

— Твой дворец с кухнями и конюшнями, твой столичный град, а окрест — твоя держава. — Помедлив, Астрофель спросил: — Велишь начать аудиенцию?

Клим покосился на девиц, усердно поливавших его из кувшинов.

— Прямо сейчас? Голым и мокрым?

— Владыке Рипелю это не мешало, — отозвался блюститель покоев. — Он говорил, что голый король все равно король.

— Но голый и мокрый — это уже слишком, — возразил Клим, поднимаясь. — Ну-ка, красавицы, где у нас полотенца?

Полотенец ему не дали, но, хихикая и пересмеиваясь, вытерли досуха льняными простынями с изображением дракона. Должно быть, королевский герб, решил Клим и не ошибся — куча тряпья на кровати оказалась роскошной мантией, тоже затканной драконами. Мантию набросили ему на плечи, усадили к столу, налили игри-

стого вина, похожего на шампанское, и Астрофель, стукнув посохом, распорядился насчет завтрака. Первого завтрака, малого, какой подается королю при восходе солнца, а ближе к полудню будет второй, с жонглерами, шутами и плясуньями.

Слуги потащили блюда с жарким, лепешками, медом и маслом, опустились на колени юные пажи с салфетками и мисками для омовения рук, снова полилось вино, явился лютнист и сыграл пару бодрящих мелодий. За окнами шумел, просыпаясь, стольный город, слышались крики торговцев, смех, перебранка, скрип тележных колес, топот копыт и лошадиное ржание. В небо поднимались дымы от сотен очагов, сверкали на солнце кровли башен и домов, и над стеной королевского замка взвился пурпурный стяг с вытканным золотым драконом. Клим слушал, ел и пил, поглядывал в окно и размышлял о новом своем состоянии, таком внезапном и странном. Король! Надо же, король! Хоть и неведомо где и непонятно как... Зато король! Непыльная служба — ни забот о жилье, ни дум о пропитании, и не нужно гоняться за всяким отребьем в лесах и горах. Сиди на троне и команду. Опять же барышни здесь ничего, игривые...

Он вздохнул и покосился на оружие в соседнем кресле. Он точно помнил, сколько осталось патронов: две обоймы к «калашу» и три к «гюрзе»¹. Еще гранаты, тоже три. Оружие было реальнее, чем королевский титул, во всяком случае, пока. Ибо бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Аудиенция... — снова начал блюстителю покоев.

— Ладно, согласен! — Клим помахал рукой. — Но раз я король, то и выглядеть должен по-королевски, одетым и обутым. И еще... — Он бросил взгляд на огромное ложе и фривольные шпалеры на стенах. — Никаких аудиенций в спальне! Ни в спальне, ни на кухне, ни в сортире!

¹ «Гюрза» — мощный автоматический пистолет под 9-миллиметровый патрон, с магазином на 18 патронов. Прицельная дальность — 100 м.

Помещение должно соответствовать. Есть тут тронный зал?

— Есть, твое величество, как не быть, — подтвердил Астрофель диц Техеби.

— В нем и соберемся. Только высший комсостав, никаких шестерок, — сказал Клим и велел нести одежду.

Одевали его двое слуг, Бака и Дога. Процесс был непростым и долгим: шнурки, завязки, застежки, кружева. Рубаха тонкого полотна, исподнее, штаны в обтяжку — одна штанина алая, другая в синюю полоску. Пурпурный, шитый серебром кафтан с высоким стоячим воротником, подпирającym нижнюю челюсть. У кафтана имелись рукава, а поверх них спадали от плеч до коленей длинные нарукавники. На ногах — ботфорты с отворотами, на шее — цепь с золотым драконом, через плечо — перевязь с орденами и шпагой, на талии — чеканный пояс... Бака и Дога, трудившиеся под присмотром блюстителя, изрядно вспотели. Наконец туалет был закончен. Астрофель отложил посох, вытащил из сундука ларец, а из него — корону, блистающую самоцветами. Корону возложили Климу на голову, на руки натянули перчатки и опрыскали душистой водой.

— Хвала Творцу! Твое величество могуч и грозен как шердан, — с поклоном произнес блюститель.

— Это что за зверь? — любопытствовал Клим, пряча за пазуху пистолет.

— Увидишь, сир. В королевском зверинце один еще остался.

Продолжая кланяться, Астрофель подвел его к зеркалу. Ну и петух! — подумал Клим, всматриваясь в мутное изображение. Прямо король-солнце Людовик Четырнадцатый! Хотя тот Людовик был как будто в плечах поуже, ростом поменьше и вообще посубтильнее... Нет, не Людовик, признался он со вздохом, и даже не д'Артаньян — скорее, Портос.

Блюститель глядел на него, как мать на любимое дитя. Потом щелкнул пальцами и выкрикнул:

— Плащ! Оруженосец, королевский плащ!

Подскочил миловидный юноша в зеленом колете, набросил на плечи Климу тяжелый плащ с золотыми драконами и вытянулся по стойке смирно. Красавчик, решил Клим. Губки алые, глазки синие, ресницы длинные и светлые кудри до плеч. Тоже мне, оруженосец!

Но, оставив это мнение при себе, он кивнул парню и распорядился:

— Мою амуницию — в сундук. Головой отвечаешь! И с этой штукой поаккуратнее. — Он показал на автомат. — Ничего не нажимать, не совать пальцы в ствол, нести за ремень. Все понял?

— Да, сир! Все исполню, сир! — Голос у юноши был звонкий, и смотрел он на короля с тем же обожанием, что и блюститель покоев Астрофель диц Техеби, советниклевой Руки.

Раз есть левые советники, будут и правые. Пора на них взглянуть, подумал Клим и направился к двери. Шел он неторопливо и с удовольствием слушал, как звенят на груди ордена.

Астрофель ринулся следом.

— Постой, государь! Увы мне, увy! Забыл спросить, совсем забыл! — Он хлопнул себя по лбу. — Имя! Скажи мне свое благородное имя, дабы я мог объявить его придворным и всем иным сословиям!

Клим остановился.

— Майор Клим Андреевич Скуратов. Так и объявляй, боярин.

— Имя, достойное короля, — с почтением молвил блюститель покоев, шагнул за порог и стукнул жезлом в пол. — Государь пробудился и изволит следовать в тронный зал! Его величество Марклим андр Шкур! Приветствуйте короля!

— Вира лахерис! Баан! Баан! — грянуло за порогом. — Слава! Слава!

Глотки были здоровые. Прямо скажем, гвардейские глотки.

Усмехнувшись, Клим вышел из опочивальни. За нею находился круглый зал с множеством дверей, с витыми лестницами, стенами из массивных глыб и узкими окнами-бойницами у самого потолка. Вероятно, это помещение было частью башни, окруженной личными королевскими покоями — как сообщил Астрофель, думной палатой, трапезной, кладовой с одеждами и так далее. Тут не хватало света, но полумрак разгоняли факелы в руках дюжины воинов. Они выстроились неровной шеренгой; пламя отражалось в их кирасах и щитах, сверкали острия тяжелых копий и лезвия секир, блестела бронза на ножнах мечей и кинжалов, топорщились шипами налокотники. Лица витязей скрывали глухие шлемы с прорезями для глаз, и более всего они казались похожими на двенадцать железных истуканов, увешанных оружием от плеч до пяток. При виде Климa воины ударили секирами в щиты и снова рывкнули:

— Вира лахерис! Баан!

— Майна хабатис, — ответил он и повернулся к Астрофелю. — Кто такие?

— Рыцари твоей личной охраны, сир. Лучшие и самые благородные бойцы Хай Бории, мой повелитель!

— Лучшие, а строй не держат, — буркнул Клим. — Ну я их погоняю на плацу! Веди дальше, боярин.

Они пересекли зал, оставив позади малую трапезную, думную палату и все остальное, прошли под невысокой аркой и очутились на открытой солнцу и небу галерее. Откуда-то вывернули трое трубачей в ярких красно-синих одеяниях. Блюститель замедлил шаг, снова выкрикнул имя короля, трубачи сыграли бравурную мелодию, а рыцари ударили в щиты. Звуки горнов и грохот железа спугнули птиц, обсевших крыши.

Галерея тянулась четырехугольником поверх внутреннего двора замка, и Клим мог разглядывать башни и врата под ними, морды каменных чудовищ, украшавших стены, ведущие вниз лестницы и окна многочисленных покоев. Все это пребывало в некотором запустении — кое-где осыпалась штукатурка, ступени были выщерблены, плиты во дворе потрескались, железные полосы на вратах проржавели. Ремонт не помешает, подумал он, ремонт и генеральная уборка — даже в опочивальне полно пыли.

Клим еще размышлял об этом, когда Астрофель направился к массивной двери, обитой потемневшей бронзой. Здесь стояли на страже шесть латников с алебардами; солдаты навалились на створки, двери распахнулись, и блюститель, ударив жезлом в пол, провозгласил:

— Его величество Марклим андр Шкур, волею Творца король Хай Бории и всех земель, подвластных королевству! Баан! Слава и долгая лета государю! Вира лахерис!

— Вира лахерис! — откликнулся нестройный хор голосов, и процессия вступила в тронный зал.

Он был длинным и светлым, с высоким сводом, некогда позолоченным, с рядами колонн и широкими стрельчатыми окнами. С потолка свисали знамена — видимо, память былых побед; под ними, на стенах, тускло поблескивали щиты, рыцарские доспехи, секиры, клинки, боевые молоты и другие трофеи. В дальнем конце стояло на возвышении огромное кресло в виде дракона с распростертыми крыльями, а по обе стороны от него — кресла поменьше, три слева и три справа. Зал был велик, и люди, сорок или пятьдесят мужей в зрелых годах, терялись в его пространстве. Солнечные лучи скользили по их пестрым ярким одеждам, по лицам и украшениям, заставляя сверкать ожерелья, браслеты, наверхия жезлов и пояса, шитые золотом и серебром. Богато живут в Хай

Бории, решил Клим и твердым шагом направился к креслу-дракону. Его длинный плащ подметал пол, выложенный цветной плиткой, билась о бедро шпага, самоцветы в короне разбрасывали цветные искры, а за спиной грохотали железом двенадцать рыцарей.

Под звуки горнов он подошел к возвышению, поднялся на него и сел на трон.

Глава 2 ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Аудиенция не затянулась, Климу были представлены главный ловчий сир Адальби, герольдмейстер и королевский судья сир Ардалион, настоятель храма Благого Господа, архивариус в бороде и почтенных сединах, гвардейские командиры и другие придворные. Среди них — два советникалевой Руки, военный министр Гаммек бен Санап и столичный градоначальник Тигльдиц Марем. Считая с Астрофелем, получалось три левых советника, а вот правых был недобор, только Жинус-и-Марако, казначей и главный финансист, да королевский маг Дитбольд. Третье кресло справа, самое близкое к трону, было предназначено королеве, но ею Хай Бория еще не обзавелась. Хотя, как намекнул казначей, нехватки в претендентках не было.

После приема всей гурьбой отправились в королевскую трапезную, отведали борща, съели барашка, трехпудового осетра, курей без счета, поглядели на акробатов, шутов и жонглеров и прикончили бочку пива, а к ней — двадцать кувшинов вина. Вино еще не кончилось, когда выплыли юные девы в прозрачных хитонах и, поклонившись королю, стали выделять всякие соблазнительные антраша. Прямо балет Большого театра, со вздохом подумал Клим. Вздыхал он горестно — вспомнились ему студенческие годы и его гражданская про-

фессия. Хорошее занятие, интеллектуальное и любезное сердцу, но совершенно безденежное.

Пил он за трапезой скромно, ел и того меньше и поглядывал на своих советников. Чародей Дитбольд был в преклонных годах, но еще крепок: борода седая, но щечки румяные, глаза ясные и отливают зеленью, в движениях старческой немощи не заметно. Нравился ему Дитбольд, а вот казначей — не очень. Мясистые губы Жинуса брезгливо отвисали, подергивалось веко, и временами шевелил он пальцами так, будто пересчитывал деньги и никак не мог сосчитать. На голове у него росли десять волосин, и казначей зачесывал пять налево и пять направо, под носом топорщились жидкие усики. Словом, казну такому типу Клим доверять бы не стал. Что до министра Гаммека в чине стратега и градоначальника Тигля, то были они мужи дородные, брюхастые и щекастые, большие любители выпить. Но Клим, по своему армейскому разумению, в этом большой беды не видел.

Наконец девицы отплясали, кувшины иссякли, и здравицы в честь государя кончились. Получив королевское дозволение, сановники стали расходиться, кто на своих ногах, а кого, бережно поддерживая, уводили слуги. Когда трапезная почти опустела, сидевший рядом с Климом маг Дитбольд склонился к его уху и негромко произнес:

— Не соизволишь ли, твое величество, проследовать ко мне в башню? Окажи честь, почтительно прошу. Не ради моей корысти, а по причине дел державных.

— Идем. Державные дела — вперед прочих, — молвил Клим, вставая. Он сбросил плащ, снял корону, шпагу и перевязь с орденами и велел Астрофелю позаботиться о королевских регалиях.

Казначей, изрядно подвыпивший, тоже начал подниматься.

— Я п-пойду... п-пойду с тобой, мудрый Дитбольд...

Или я н-не с-советник?.. Клянусь Благим! И у меня т-то-же есть что с-сказать г-государю...

Маг заломил седую бровь.

— Ты пойдешь, если его величеству будет угодно. А не угодно, так отправляйся поживать.

— Возьмем его с собой, — буркнул Клим, ухватив Жинуса за ворот роскошного кафтана. — Хочу расспросить его о состоянии финансов.

Старый Дитбольд скептически хмыкнул, но спорить не стал.

Втроем они покинули трапезную. Рыцари охраны, грохоча железом, пристроились было за спиной короля, но Клим велел им убираться к черту. Вслед за чародеем он зашагал по коридорам и лестницам, то поднимаясь к покоям придворных и комнатам слуг на верхних этажах, то спускаясь вниз к погребам и винным подвалам. Замок был велик, здесь обитали и кормились сотни и сотни, так что предстояло разобраться, кто из этой братии полезен, а кто бездельник и дармоед.

Они пересекли утопающий в грязи и навозе хозяйственный двор с конюшнями, псарнями, соколятником и лениво дымившей кузницей. Тут, на отшибе, за королевским зверинцем, кладовыми и амбарами, стояла башня чародея. Древнее, неправильной формы строение о трех этажах, сложенное из замшелых камней, казалось неподвластным течению лет; будто ствол огромного дуба чудовищной толщины оно выросло из земных недр, пряча корни от глаз людских. Без скрипа откинулась небольшая дверца, Клим вошел и очутился в пустом помещении. Ни стола, ни стула, только ведущая наверх каменная лестница да крюк в стене, на котором висело какое-то тряпье — по виду старая, облезлая шуба.

Маг за его спиной что-то забормотал. Слова были странные, певучие, непонятные.

— Я объясняю, что ты наш новый король и можешь входить в мою обитель в любой час дня и ночи, — произ-

нес Дитбольд, делая хитроумные пассы. — Когда придет нужда или когда захочешь.

— Объясняешь? Кому? Здесь никого нет.

— Это не так, государь. Здесь обитает страж моей башни. Он должен с тобой познакомиться. Хорошо познакомиться, чтобы не было беды.

— Колдовские фокусы, — проворчал казначей, — проклятые колдовские фокусы... — Он уже не заикался и твердо стоял на ногах — либо протрезвел на свежем воздухе, либо был не так пьян, как хотел казаться.

Они поднялись наверх, в жилые покои Дитбольда. Обстановка здесь разительно отличалась от пустоты нижнего этажа. Уютная горница с креслами и диванами, обтянутыми кожей, шкафы, полные толстых фолиантов, большой шестиугольный стол, жаровня из чеканной бронзы и два окна с мелкими цветными стеклами. Эту мирную картину нарушал скелет, висевший в одном из шкафов, — вроде бы человек, но с мощной челюстью, руками до колен и позвоночником, изогнутым горбом и выпиравшим над плечами. Должно быть, местный неандерталец решил Клим.

— Садись, твое величество, — сказал чародей, указывая на кресло. — И ты садись, сир Жинус, раз пришел. Я удалюсь на недолгое время. Годы мои немалые, и парадные одежды меня обременяют.

Он исчез за дверью и спустя пару минут вернулся в мягких домашних туфлях и просторном халате с меховым воротником. Сел к столу, сложил руки на коленях и задумался. Халат был синим с серебряными звездами, воротник, похоже, из белого полярного песка, так что со своей окладистой бородой и румяными щечками Дитбольд походил сейчас на Деда Мороза. В его магические таланты Климу не очень верилось — слишком глубокая пропасть разделяла чародейство и привычный ему реальный мир. Но Дитбольд казался человеком доброжелательным и искренним.

Наконец маг вздохнул, огладил бороду и произнес:

— Думаю, государь, ты желаешь узнать, как и почему ты здесь очутился. Этот мир отличен от твоего, как сны от яви. Их разделяет граница, незримая, неощутимая, но пересечь ее никто не в силах. — Он помолчал и добавил: — Конечно, если ему не помогут.

— Выходит, помощник нашелся, — сказал Клим. — И кто же он?

Маг понурил голову.

— Я, твое величество, я, твой покорный слуга... Я сделал большее: перенес прежнего владыку Хай Бории в твою реальность, а тебя — в наши земли. Навсегда перенес! Ибо то, что убыло в твоём мире, должно там восполниться, как и здесь. Таково веление Благого, коего никто не может превозмочь.

— И кто знает об этой... хм... обменной операции?

— Все советники Правой илевой Руки, несколько придворных и доверенные служители. Сказано им, что прежний король изволит отбыть в иные края, а ночью — минувшей ночью, — уточнил чародей, — у нас появится новый повелитель. Ты, Маркклим андр Шкур!

Чудеса! — мелькнуло у Клина в голове. И главное чудо не в том, что он обменялся с прежним владыкой, — это, хочешь не хочешь, надо принять как должное. А вот зачем тому владыке с ним меняться? Королевская жизнь, как ни крути, все-таки получше, чем у майора спецназа. Власть, почет, богатство, замки, города... Паек — не казенный концентрат, пива и вина залейся, форма — из шелка да бархата, наверняка одалисок целый гарем... Однако поменялся. Очень подозрительно!

— Ваш прежний король... — начал Клим. Казначей, дернув веком, тут же подсказал:

— Его величество Рипель-и-Герматак, да будет мир ему там, где он пребывает!

— Насчет мира я очень сомневаюсь. Ну, не в этом

дело, Рипель так Рипель... Он сам пожелал со мной обменяться? Без всякого принуждения?

— Не с тобой, а с любимым обитателем вашего мира, подходящим по возрасту и телесному сложению, — уточнил Дитбольд. — Выбор был случайным, твое величество. И будь уверен, что он добровольно пожелал уйти в твой мир.

— С чего бы? — Клим пристально уставился на мага. Казначей Жинус снова встрял в разговор:

— Сказать по правде, сир, владыка Рипель был не из лучших правителей. Державу разорил своими прихотями, с соседями рассорился, слуг своих верных держал в небрежении и щедротами не баловал. Чернь распустил, дела правления забросил и не внимал советам, а ежели кто пытался его образумить, звал мастера Закешу, городского палача. И потому, — казначей пошевелил пальцами, будто считая деньги, — потому знать и народ от него отвернулись. Бунт назревал, так что его величество мог бы и сам познакомиться с мастером Закешей.

— Бунт — это все наши проблемы? — спросил Клим, мрачней.

— Если бы! — отозвался маг, терзая бороду. — Если бы, государь! С юга орки и гоблины наступают, грозятся столицу осадить.

— Гномы из Северных гор обнаглели, вышли из повиновения, — продолжил Жинус с тяжким вздохом.

— Нехайцы отложились, дани и войска не шлют...

— Да еще отказали в руке своей принцессы...

— От вампиров и вервольфов никакой помощи...

— Эльфы в долг не дают, прежнее требуют, да еще с процентами...

— Драконья мелочь в Подгорье расплодилась, воруют коров и овец, а самый старейший из них еще и девиц желает для потехи...

— Проклятые души бродят по кладбищам, народ пугают. Даже в замке их видели...

— Киммерийцы могут набежать. Хоть люди, а не лучше гоблинов...

Жинус и Дитбольд смолкли. Клим сидел в ошеломлении, словно хлебнул неразбавленного спирта и не мог отдышаться. Потом пробормотал хриплым голосом:

— Эти... орки... кто такие?

— Изволь взглянуть. — Маг, сверкнув зелеными глазами, повернулся к скелету в шкафу. — Ростом с человека, на спине горб, руки длинные, морда клыкастая. Сильны, жадны, свирепы и весьма охочи до женщин и девиц.

— Любят человечину и золотом тоже не брезгают, — добавил казначей.

Клим уже пришел в себя.

— Вот проказники! — заметил он, не поверив ни единому слову. — Кстати, о золоте... Что там у нас с казной?

Жинус дернулся и отвел глаза.

— Пуста, повелитель! Почти пуста. Последний сундук с серебром сегодня распечатал.

— Последний, говоришь? Тогда завтра будет тебе ревизия. И еще... — Клим оглядел богатый камзол казначея, его ожерелье и браслеты. — Еще я заметил, что сновники наши не бедствуют, все в золоте и серебре, и не в обноски одеты. Это как понимать? Казна пуста, а придворные жируют? За чей счет?

— Так на заемные средства, государь. Вконец разорятся, но желают выглядеть достойно пред королевскими очами! — Казначей по-прежнему старался не встречаться с Климом взглядом. — На самом же деле у половины поместья заложены-перезаложены, а другая половина и вовсе их лишилась. Как было сказано, прежний владыка не баловал щедротами, и потому...

— Кгхм! — Старый чародей издал громкий звук и принялся шарить в кармане халата. — Не будем о деньгах, твое величество, ибо, приложив старания, деньги можно сыскать. А вот гоблины да орки... — Он вытащил

небольшой хрустальный шарик и всмотрелся в него, что-то шепча и поворачивая то так, то этак. — Их воинство преодолело Великие Южные болота и идет к берегам Пограничной реки. Переправятся и дней через пятнадцать-двадцать будут под городом. С ними-то что делать?

— Как что? — сказал Клим, поглядывая на жутковатый скелет. — Воевать будем, проникательный ты наш. Отсыпем им люлей, загнем салазки, козью морду делаем!

Седые брови мага поползли вверх.

— Благой Господь! Прости, владыка, не уверен, что понял твои мудрые речи. Отсыпем люлей — это как? Откупимся данью? Но нет в казне золота!

В ответ Клим только усмехнулся:

— Завтра с утра — ревизия финансов, а потом — военный смотр. Погляжу на нашу армию и на городские укрепления, будет ясно насчет люлей. Кстати, народу о смене власти объявили?

— Да, твое величество. Сир Тигль и сир Ардалион, глава герольдов, послали гонцов во все города и веси. И тем, кто на юге, велено бросать хозяйства и прятаться от орков в лесах и горах. — Маг смежил веки, хрустальный шар подрагивал в его пальцах. Теперь он не походил на Деда Мороза, просто старый человек, утомленный и, кажется, испуганный. — Ты прости меня, государь, прости, — тихо промолвил он, — я виноват. Вырвал тебя из привычного мира, и теперь на твоих плечах все беды Хай Боррии. Но когда владыка Рипель пришел ко мне, я не мог отказать и выполнил его желание. Я — придворный маг, я давал клятву служения королю.

— Не парься, кудесник, — молвил Клим. — Может, оно и к лучшему, что я тут очутился. Может, это мой гражданский долг... то есть королевский. Словом, судьба.

Они спустились вниз, и там, выпроводив казначея из башни, Дитбольд шепнул ему на ухо:

— Если будет нужда быстро ко мне добраться, не иди через двор. За большим зеркалом в твоей опочивальне — тайная дверца и спуск в подземный ход. Попадешь прямо сюда, мой господин. Про этот ход только королю известно. Королю и мне...

За дверью башни Клима поджидал казначей. День, судя по солнцу, близился к вечеру, и во дворе суетилось множество народа — конюхи и псары, повара и кухарки, погонщики при возах с дровами и припасами. Завидев короля, они бухались на колени прямо в грязь и бормотали: «Вира лахерис, государь!» Кланялись низко, смотрели почтительно, но особого восторга Клим не замечал.

Он направился к дворцу. Сзади плелся казначей, шлепал по лужам, бубнил что-то неразборчивое — что-то про мага Дитбольда и его колдовские фокусы. Клим замедлил шаги, обернулся и бросил:

— Рядом иди, говорливый ты мой. И если имеешь что сказать, докладывай отчетливо.

— Уши, — промолвил Жинус, пристраиваясь сбоку, — уши, твое величество. Ты разглядел его уши?

— А что с ними не так?

— Островаты, государь, потому он прячет их под волосами. А глаза, глаза-то зеленые! Хитроумец известный. И еще...

Казначей смолк.

— Начал, так не тяни резину, — буркнул Клим. — Что там у нас еще?

— Он королю Рипелю служил, а до того его батюшке Ольвиргину, деду Пилику и прадеду Вамче.

— Древний старец. А в чем криминал?

— Люди столько не живут, твое величество. Люди, они...

Клим пожал плечами.

— Ты, советник, сплетен не разводи, а лучше готовься к завтрашной ревизии. У тебя бухгалтерские книги есть?

Челюсть у Жинуса отвисла, веко дернулось.

— Бух... чего? Виноват, государь, но слов твоих не разумею.

— Значит, нет, — подвел итог Клим. — Смотри у меня! Не заведешь, так отставлю от должности!

Во дворце его поджидал Астрофель диц Техеби, пришедший в ужас при виде грязных сапог и запыленного камзола короля. Клим повели переодеться, а по дороге блюстителю испрашивал повелений насчет ужина, вин, которые нужно подать, и числа гостей. Ужин Клим отменил, распорядившись, чтобы принесли в опочивальню окорок, хлеб и кружку пива. Не хотелось ему пировать, и более всего нуждался он в уединении. Орки, гоблины, эльфы, киммерийцы... Об этом стоило поразмыслить, как и о пустой казне, намеках Жинуса, вампирах и отложившихся нехайцах.

Но блюститель дворцовых покоев не отставал и, когда они добрались до опочивальни, пал на колени.

— Увы мне, государь! Не знаю, чем угодить твоему величеству. Приказывай, все исполню!

— Будет тебе наряд, сир Астрофель, — сказал Клим, озираясь. — Значит, так: мотню над кроватью снять и на помойку! Гобелены и занавесы выколотить от пыли, пол и стены промыть, зеркала протереть. Не сейчас, завтра с утра. Что там за шкура на кровати?

— мех полярного козла, сир. Дорогой, редкостный.

— Тоже на помойку. И этого пусть уберут. — Клим кивнул на статую гиганта. — Что-то мне его рожа не нравится.

— Но, государь... Это святой Гервасий, поражающий дракона, основатель королевской династии.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
Часть первая. ВОЙНА	8
Часть вторая. МИР	150
<i>Эпилог. Старый друг лучше новых двух</i>	305